

krugozor-kolobok.ru

7 **КРУГОЗОР** 71

Фото И. Гневашева

Геннадий Сергеевич держит пахучую, только что из печи буханку, как будто взвешивает ее на ладони.

— Хлеб — это что! Политика, верно! Государственное дело. Можете представить себе в булочной пустые полки!.. А кажется, хлеб — это так просто.

Хлеб — и перед глазами без конца и края поле, волнуется, качается, набирает силу. Шумные реки на элеваторах. Румяные полки в магазинах. Даже газетные полосы в пору жатвы с крупными заголовками о собранных миллиардах. И только потом, после — просто кусок хлеба.

— Среди экспонатов блокадной экспозиции в Ленинграде на Пискаревском кладбище кусочки хлеба со спичечный коробок... Сейчас только в Москве выпекают около двухсот наименований хлеба различной формы, цвета и вкуса.

Хлеба стало много. Мы перестали ему удивляться. Мы к нему привыкли. Но все равно не позволяем себе выбросить даже корку, оставшуюся после обеда.

Геннадий Сергеевич говорит: — Лучше покрошить птицам.

...Того дома, под железной крышей которого наш герой впервые прополоскал горло глотком московского воздуха, давно нет и в помине. На его месте подняли

метростроевцы Кировскую станцию. Но поблизости от коммунального жилища Страмновых стоял еще один дом. И он, к счастью, сохранился. К счастью —

потому что, будь он снесен, не было бы Геннадия Страмнова, которого знают на всех двадцати двух хлебозаводах столицы, знают в Ленинграде, в городах

Поволжья, Сибири. Знают в Монголии, в Гане, в Ирландии. Был бы другой

Геннадий Страмнов — тезка, двойник, однофамилец нашего героя. Но, к счастью, метростроевцы не тронули дома, возвышающегося неподалеку от Чистых прудов.

ЧЕРТА
ХАРАКТЕРА —
ХЛЕБОСОЛЬСТВО

ЗАПАХ ХЛЕБА

До поры, до времени, не привлекая внимания мальчишки, рано узнавшего в войну соленую тяжесть взрослой работы, стояла себе старая пекарня.

— В не очень-то сытном сорок пятом году хлеб пах так соблазнительно, что голова кругом шла.

Вот ведь как часто бывает. Искал человек место, где бы хлеба поесть вдоволь, а нашел свое место в жизни. Сколько всего выпек за свои годы, скольких людей накормил, не считал Геннадий

Сергеевич. Да и мы не знаем, чей хлеб покупаем: Страмнова ли, Иванова, Сидорова! Покупаем, и все. Едим. И не думаем о тех, кто

землю пахал, кто сеял, кто пек.

Чей хлеб у нас на столе сегодня! Так ли уж это важно! Главное — хлеб на столе. И есть люди, которые нас кормят.

— Я пекарь и горжусь этим.

Геннадий Сергеевич держит пахучую, только что из печи буханку, как будто взвешивает ее на ладони. И весь он в своем белом халате добрый, как доктор. Именно таким и представляешь себе пекаря.

— Хлеб ведь в одном ряду с такими словами, как добро, мир, счастье...

Когда писались эти строки, Геннадия Сергеевича не было в столице. Он уехал в Италию. Заграничные командировки для него не редкость. И каждая — важное государственное поручение. Но об этом Герой Социалистического Труда Геннадий Страмнов расскажет сам. Он и рассказчик, каких поискать. Чтобы убедиться в этом, послушайте первую звуковую страницу.

Борис СЕЛЕННОВ

В моем кубинском блокноте перемешано все: попытка «спокойно» записать вечером случившееся утром; осевшие в памяти фразы гидов и друзей, переводивших для нас с испанского более чем пятивековую книгу кубинской жизни, цифры сафры — живописнейшей из сельскохозяйственных работ; разговоры с людьми, вступившими независимо от возраста в тринадцатый год своей социалистической жизни.

Вот разрозненные строчки, которые я попытался разложить вокруг воспоминаний об одной очень красивой девушке...

«...Ничего прекраснее этого острова мои глаза еще никогда не видели... Вся местность, прилегающая к реке, заросла прекрасными зелеными деревьями, отличающимися от наших, кастильских, и у каждого плоды и цветы были на свой лад».

Запись в дневнике Христофора Колумба, сделанная им на территории нынешней провинции Камагуэй и помещенная октябрём 1492 года.

Автобус тихо перевалил через подъездную колею. По путям снуют маленькие паровозики с колоколом вместо свистка. Это километров десять от города Морона в провинции Камагуэй. Типичная картина: море высокого — метров в пять-шесть высотой — зеленого тростника. В нем, как маяк, стоит огромная красная труба сентрала — сахарного завода...

Мне переводят репортерскую заметку об Иде: «...И тебе расскажут, что она веселая, симпатичная, что у нее много друзей и подружек. Если встретишь того, кто знает ее несколько ближе, то услышишь похвалу о ее улыбке и больших глазах. А если разговорись с ее поклонниками, то поймешь, что Ида Рейносо — девушка, о которой вспоминают юноши, произнося слово «любовь».

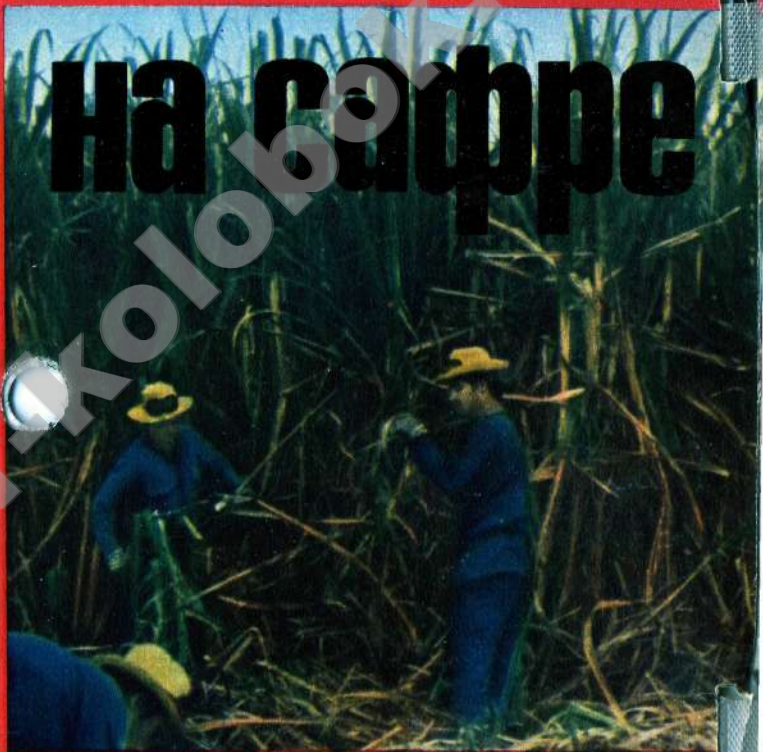
Три года назад Союз молодых коммунистов Кубы решил организовать молодежную Колонну Столетия в честь отмечаемой тогда сотой годовщины начала освободительной борьбы. Для Камагуэя — центра сахарной промышленности Кубы — было решено выделить половину Колонны — двадцать пять тысяч человек.

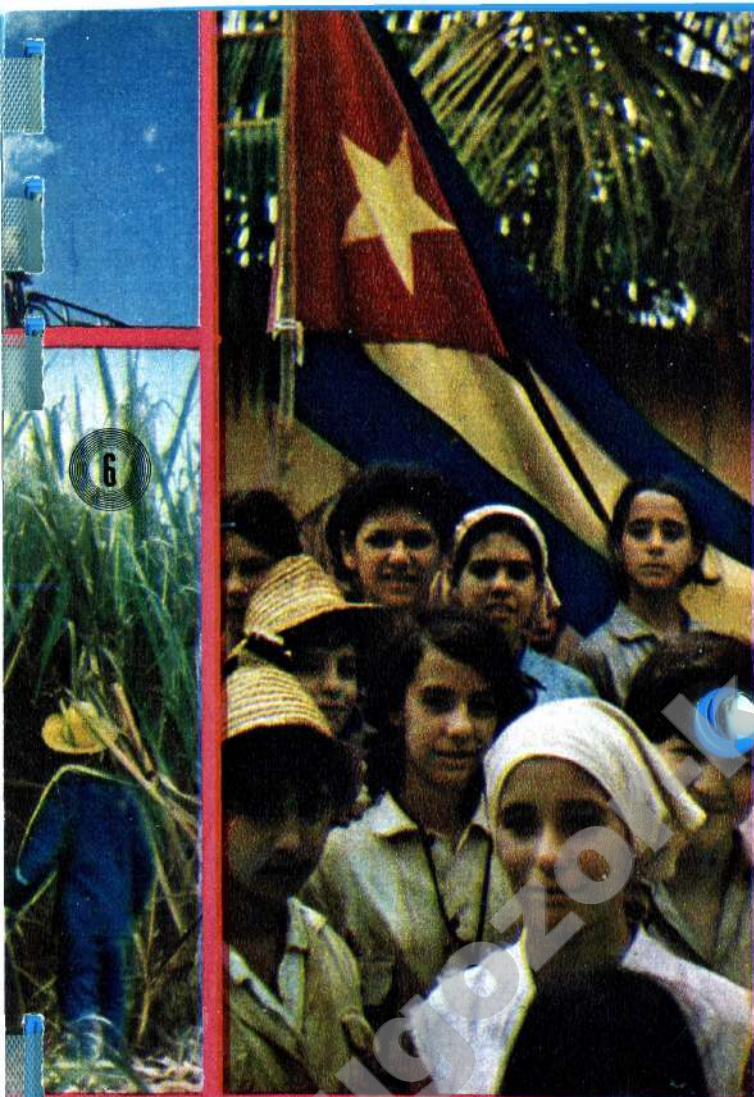
Из интервью с командиром Колонны Хайме Кромбетом.

Приехали. Стояла страшная жара, и мы попросили воды. Тотчас, как в сказке, появился металлический поднос и на нем — свежесрезанный ананас. Это постарались ребята из Колонны Столетия. Они повели нас по легкому, продуваемому ветром дому. Показали школьный класс, затем комнату для уроков, превращаемую по мере надобности в клуб, и, наконец, привели к Иде Рейносо.

Статья 13: «Также не могут владеть плантациями сахарного тростника лица, являющиеся собственниками, акционерами или чиновниками предприятий по производству сахара...»

Из Закона об аграрной реформе.

6

Ида была предупреждена о нашем приезде и оделась по-праздничному — светлые брюки, блузка. Прелестная, стройная семнадцатилетняя девушка, чуть выше среднего роста. Красота ее была замечена на прошлогодней фиесте в городе Камагуэй, где Ида была объявлена звездой карнавала. Но выяснилось, что она еще и отлично работает. Тогда ее направили вот сюда, близ Морона, бригадиром пятнадцати парней — рубщиков тростника.

Тростник — как дерево. Упругий ствол шестиметровой высоты, разлапистая листва. Рубить его — не серпом рожь убирать. Скорее это труд лесоруба. Лучший мачетеро рубит за сафру (время уборки тростника) по двести тысяч арроб (арроба — 11 с половиной килограммов). Собирают столько, что на каждого кубинца — взрослого и ребенка — приходится почти по тонне тростникового сахара.

- Кто ваш отец, Ида?
- Член партии.
- А мать?
- Беспартийная. Но она тоже революционерка.

Видимо, талант руководителя у нее в крови. То ли взгляд, то ли внутренний импульс, уверенность, быть может, дают возможность вчерашней школьнице управлять бригадой. И самое главное и, пожалуй, самое естественное для нее — личный пример. Рейносо не только следит за работой, она помогает грузить срубленный тростник на автомашины. Но вот задержка с транспортом. Ида бежит к телефону. Ритм, ритм, не упустить ритм.

«Обеспечь людей в поле водой. Помни, что она жизненно необходима, ведь единственное животное, которое может обойтись без влаги, верблюд».

«Лучшее время для того, чтобы точить мачете, вечер. Таким образом можно избежать потери времени. Помни, что вечернее время — самое свежее, и именно тогда мачете точится лучше...»

Из правил сафры. Советы бригадире.

Ее речь, быть может, чуть строже, суровее, чем того можно было ожидать от семнадцатилетней, но не так ли говорили наши первые комсомольцы: «Я считаю, что чувство радости должно сочетаться с мерой ответственности. Оно должно зажечь рабочий энтузиазм, и дело надо довести до конца. Мы преобразуем нашу страну...»

В. ТАМАРИН

Гавана — Москва

Советские моряки — частые гости в Гаванском порту. Здесь нередки встречи с товарищем по мореходке. На снимке (слева вверху) кубинские моряки — питомцы Астраханского училища.

Куба — страна молодежи. На сафре, на банановых и табачных плантациях — безде молодые лица. Фото Дм. Вальтерманца и В. Тамарина

ЗНАКОМСТВА

ДИСТАНЦИЯ

Композиторы рождаются по-разному. Одни долго бьются (иногда всю жизнь) в поисках своего музыкального языка, другие находят его уже в зрелом возрасте и тогда поражают ярко проявившейся индивидуальностью, третьи раскрывают себя очень рано, а четвертых эти проблемы вообще не волнуют. Но это уже особый случай.

Я начал свой рассказ о новом композиторском имени с проблемы индивидуальности. Ибо, как мне кажется, главное назначение художника, поэта, музыканта заключается в умении увидеть в самом обычном, казалось бы, заурядном явлении нечто неповторимое, в способности рассмотреть его под своим углом творческого зрения и, наконец, рассказать об этом.

Вероятно, мера таланта художника и определяется с одной стороны, этой индивидуальностью, а с другой — глубиной, объемом рассматриваемого явления и вызываемой им эмоцией, но все это приходит (или не приходит) к композитору, а значит, и к слушателям, по-разному.

Несколько лет назад заговорили и заинтересовались новой певицей Еленой Камбуровой, певицей своеобразной, предельно искренней, эмоциональной, увлеченной проблемами гражданской тематики.

Тогда, вероятно, не все знали, что первым успехом Камбурова во многом обязана своей пианистке (а я бы назвал ее соавтором) Ларисе Критской. С полным правом мы можем назвать их партнерами по работе, где и успех и неудача делятся поровну.

Но сегодня мне хочется представить еще одну сторону их совместной работы — песни, сочиненные Критской и исполняемые Камбуровой. Я немного знаком с ранними песенными опытами Критской. В них была и мелодичность, и умело выбранная фактура, и хорошие стихи — вроде было все. Но, как мне кажется, им недоставало той самой неповторимости, о которой я говорил в начале заметки. А сейчас на восьмой звуковой странице «Кругозора» вы услышите две песни из нового цикла Ларисы Критской на стихи Ю. Левитанского. В этих песнях вместе с удивительной точностью избранных средств все подчинено главной мысли стихотворения. И мелодика, и тонко разработанные фортепьянное сопровождение, и свежий, оригинальный гармонический ряд. Однако музыка Критской не просто иллюстрирует стихи Левитанского, а ведет свою собственную линию, свой особый разговор со слушателем. Этот контраст музыки и текста и рождает новое качество — Песню. Вокальные поэмы Критской — то светлые, то строгие, то печальные, а иногда жестко дисгармоничные — тем не менее всегда вызывают во мне чувство радости и ощущение красоты жизни. Рождение человека — это всегда чудо. Рождение художника — это тоже всегда чудо. Но, кроме того, рождение — это старт. А старт Ларисы Критской удачный. Теперь ей нужно с честью пройти дистанцию, наращивая скорость и мастерство.

М. ТАРИВЕРДИЕВ

Михаил БЕЛЯЕВ
ШМЕЛЬ

Угнало ветром тучи
За тридевять земель.
Упал
В цветы
Колючий,
Мохнатый
Черный шмель.
Прошелся для разминки
По краю лепестка —
Желтое стала спинка,
И крылья,
И бока.
Решительный и пылкий,
Скитал росинку-мяч
И тоненькие жидки
Потрогал, словно врач...

Марат ВЕКСЛЕР

В лесу деревья испокон
Живут без интереса,

Но знает каждый дуб и клен,
Что он хозяин леса.
А в сквере, где газон не мят,
Дерева как чужие,
Как будто даже не шумят
Дерева городские.
Что лучше, нелегко решить.
Оглохшие от шума,
Не знают, где им лучше жить,
И вот молчат угрюмо.

Александр БОГУЧАРОВ
В ЭТОМ САМОЛЕТЕ ДЛИННОМ...

Деда моего степенность.
Бабушки неторопливость.
Что такое современность?
Изодренность и строптивость?
Дед подходит к самолету,
Бабушку сажает первой,
Вспоминает про охоту,
Говорит, что Петр I
Торопился, прорубая
Это самое окошко...
Бабки кофта голубая
И цыганская серенка.
Деда трубка — дым колечком.

Тройка пахнет нафталином.
В самолете нету печки,
В этом самолете длинном,
— Что к Петру придрался, старый? —
Бабка помнит дни иные,
Перебор его гитары
И в эфире позывные,
Голос стонущий Мадрида,
Как там муж, ее Арсентий?
Мировой пожар, коррида,
Имена на черной ленте.
Да вернулся с того света.
Это все-таки бывает,
Кой-кого жалеет Лета
И не сразу убивает.
Дед не кончил монографий
О Петре и о торговле,
То ль кому-то не патрафил,
То ль увлекся рыбной ловлей,
То ль охоту совершая
С подобающим серьезом,
Отложил опять до мая
Старости былую прозу.
В нем живучи неизменность
И привычек и заскоков...
Что такое современность
В миг премудрости жестокой?

Я в сказке,
но жду не чуда,
Идя, как во тьму, в века.
Ищу тебя почему-то —
Пришедший издалека.

В тысячелетние дали
Я пришел без преград,
Где в ящиках трое лежали —
Один за другим

подряд.

Четвертый в резьбе искусной.
И встал я,

главу склоняя...
С улыбкой, по-детски грустной,
Ты снизу взглянул на меня.

Руки одеревенели
В этой вот тьме гробовой!..
А я бы хотел о вере
Поговорить с тобой.

Недуг, видать, свел счеты...
Лицо твое без бороды!
Ты прожил свой век средь заботы,
Раздумий и суеты.

Но истинно лишь бессмертье!
Ты поработал, как вол.
Из дерева и из меди
Ты саркофаг возвел.

Входящих и уходящих
Шаги... Вокруг тишина.
Мумия пищи

в ящик
К мумии отдана.

Мумия — хлеб, и даже
Рядом мумия — гусь...
Смотрю я на копья стражи
И пальцем коснуться боюсь.

В браслетах не вижу прона!
Что веер? К чему мне он?..
Но шахматы вот!

Неплохо
Сыграть с тобой, фараон.

Не ползал я перед троном,
Лести не тратил яд...
Но игры ведь с фараоном
Опасность в себе таят!

Пешки шеренгою встали.
Кони. И пара ферзей...
Ходы еще помнишь едва ли
Ты в черной обители сей?!

Шучу я! Какое дело!
Все мраком густым залито!
Ты ведь одеревенела,
И все для тебя —
ничто.

Лежишь ты с лицом из воска.
Кончен сеанс с судьбой...
Ты гордо ладью и повозку
Сюда захватила с собой!

Думал, что колесница
С гиком промчится твоя!
Думал, что пригодится
Эта твоя ладья!

Вот бы проплыть вдоль Нила!..
...Ждет твоих похорон

Григол АБАШИДЗЕ

СПОР С ТУТАНХАМОНОМ

Где-то у Стикса, уныло,
Отчаявшись ждать, Харон.

Твое распластано тело...
И вот уже сколько лет
В мире скитается вера
В потусторонний свет.

Живой ты вошел.

Без предела
Полон ты верой большой
В то, что когда-то тело
Соединится с душой.

Но вера уж та позабыта...
Несчастный,

покоящийся здесь
Гы, словно кусок гранита,
В камнях сверкающий весь.

Скованным и унылым
Лежишь,

устанешь во тьму,
Не радуешься сапфирам.
Яхонты ни к чему!

Все для тебя едино.
Ты уж от них отвык...
Яростный блеск рубина
Радует взор живых!

Яркие скарабей.
Блеск ледяных зеркал...
Бессмертья достоин скорее
Тот, кто их шлифовал.

Но те, что нам так милы,
Забыты. Вздыхаем мы!..
Тонкие ювелиры
Глухи сейчас и немы.

Этих огней вереница
Вспыхнет, и нет следа!
Жизнь улетела, как птица!
Не прилетит сюда!

Входящих и уходящих
Шаги...

Мраком все залито!
Тебя опустили в ящик —
Не возродит никто.

Взошедши под своды эти,
Все смотрят на странный предмет.
...Я крикну: — Не верьте!

На свете
Бессмертья-то вправду нет!

Уж коль фараоны тоже
Простому камню под стати!
Бессмертье! Что дороже?
Где путь? Как поступать?

Полчица в мире несметны
Покоящихся во мгле.
Только лишь те бессмертны,
Кто трудятся на земле.

А коль у тебя на примет
Бессмертья лишь каменный свет,
То нету тебя на свете.
И не было.

И нет.

Перевел с грузинского
Евг. Винокуров.

Рисунок
П. Цепелинского

Теперь трудно установить, почему в начале нашего века американский коннозаводчик назвал одного из своих рысаков Петром Великим. Именно этот рысак сыграл большую роль в русском коннозаводстве. В результате возникла новая порода рысаков. Резвачи этой породы бегают на ипподромах до сих пор. Более того, теперь к нам часто приезжают на ежегодные аукционы американские коннозаводчики за далекими потомками этого рысака.

— Взгляните, — призывает аукционер, — на правильность ладов этой лошади. Ее сухость и породность. Это

ОТ ХОЛСТОМЕРА ДО АНИЛИНА

будущий победитель больших призов. Не спугнитесь! Как бы не пожалеть! Что ж, видны лады и породность, видна хорошая бабка, сообщающая резвый ход, но все же требуются еще кое-какие гарантии. И торговец заглядывает в историю. Этот жеребчик — сын Подарна, он полубрат знаменитому Приятелю, его прапрадед Алойша... Наконец, Петр Великий! И торговец тотчас дает цену: «Нам очень, очень нужна эта лошадь!»

Нужна линия в современной породе, кровь, та самая, что проделала некогда путь через Атлантику в Россию, а теперь через внуков, правнуков и внучатых племянников прародителя отправляется обратно за океан.

— Везти далеко и дорого, — жалуются торговцы.

Конечно, путь неблизкий. А все-таки каждый год мы видим в Москве в середине сентября лошадиников из Соединенных Штатов, Канады, Англии, Швеции, Финляндии и других стран.

Ведь известно, какие поразительные результаты, какую вспышку резвости дает сведение родственных линий через три-четыре поколения. Так Московский аукцион рисистого и скакового молодняка принимает участие в мировом обороте породистой крови. Лет пятнадцать тому назад Поток, серый, от Карги, первого Московского завода, был продан шведу Бенгсону, и с тех пор Бенгсон чуть ли не каждую осень в Москве, Финн Нурмелла купил кобылку Уникальную, она подросла и сделалась резвейшей в Европе. Теперь Нурмелла — завсегдатай на Московском аукционе. Так проверяется надежность фирмы — по знакомым лицам покупателей!

Крепыши рысани и скакуны — лошадиная аристократия, почитаемая во всем мире. Если это «почтение» перевести на деньги, то суммы получатся колоссальные. Достаточно сказать, что истинно «великие» кони просто не подлежат продаже, они объявляются национальным достоянием, как это бывает с классическими произведениями искусства.

У каждого народа есть своя легендарная лошадь, «лошадь нации», «лошадь века». Каждый англичанин знает, кто такой Эклипс, родоначальник английской скаковой породы, не ведавший поражений на скачках. А когда в Австралии в Национальном музее поставили чучело знаменитого ипподромного бойца Фар-Лэпа, то число посетителей музея значительно возросло. Некоторые энтузиасты предлагали вообще убрать из зала, где стоял Фар-Лэп, все прочие экспонаты: «Чтобы ничто не мешало вспоминать о былых победах наедине с великим скакуном!» О непобедимом итальянском Рибо говорили: «Это Карузо лошадиной породы». А наш Крепыш, сражавшийся победоносно с резвейшими американцами, был до того знаменит в свое время, что судили так: «Сейчас в России гремят двое — Шалпин и Крепыш!» И вот недавно на всю страну прогремели илички олимпийских чемпионов: Абсент, Ихор и чемпион мира по выездке Пепел. И, конечно, несравненный Анилин. Слава и почет окружают такую лошадь даже после того, как закончит она свою призовую или заводскую карьеру. Мировой рекордист Грейхаунд был живым экспонатом музея собственного имени до самой смерти в тридцатилетнем возрасте. Каждый Новый год он получал со всей Америки гору поздравлений! В учебно-опытной конюшне Тимирязевской академии в Москве доживал свой век почетным «пенсционером» победитель всех основных всесоюзных призов и выдающийся производитель Будынок. А его век был долгим: он пал тридцати четырех лет, и надо еще учесть, что лошадиный век течет в три-четыре раза скорее, чем человеческий. Истинно как герой похоронен был некогда отец

Холстомера, увековеченного Толстым, — Любезный I. В парадной уздечке, под расшитой попоной, стоя, он был опущен в могилу у стен конюшни, где прошла его жизнь.

Лошадь такого класса в самом деле произведение искусства: много вкладывается в нее коннозаводческого чутья, тренерского умения, искусства наездника. Не случайно организатором московских аукционов был специалист-зоотехник, истинно знавший цену кровной лошади, Олег Владимирович Корольков. Прежде он стоял во главе одного из конных заводов на Кавказе, и уж известно ему было доподлинно, сколько же сил нужно затратить на лошадь, прежде чем можно будет вывести ее на аукцион. И его недавняя кончина — большая потеря.

Конечно, у нас на аукционе продается «зеленая молодежь» — жеребята полутора лет (они так и называются «полуторниками»), которые не могут еще быть прославлены громким списком побед, а потому и цены на них не такие, как на бывалых ипподромных бойцов. Что ж, у них все еще в будущем! Но и не только в будущем — за ними авторитет породы, их происхождение, их прошлые, та кровь, что, по ипподромному выражению, очень любимому Толстым, сказывается... Знаток своего дела О. В. Корольков прекрасно умел в этом смысле раскрыть достоинства каждого жеребенка, указать на заложенные в нем возможности. Вдохновенно повествовал он на аукционе, как у этого, например, гнедого «тетка бежала, бабка бежала, а дядя... О, дядя был полубрат самому Крепышу!»

Дмитрий УРНОВ

Фото А. Шторха

На звуковой странице вы услышите, как он мастерски делал это. Вы услышите записи ипподромных побед наших рысаков.

ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ

ИНТЕРВЬЮ «КРУГОЗОРА»

2

М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ,
председатель Сибирского отделения
Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

— Когда закладывались фундаменты первых институтов академгородка на Обском море, сибирскую нефть еще не открыли. Правда, наши геологи были убеждены, что Западная Сибирь плавает на нефти и газе. Уже в этом году Сибирь даст 45 миллионов тонн нефти. Но как разумнее и проще взять эти миллионы тонн? Этот вопрос стоит остро и перед практиками и перед учеными.

Жизнь поставила науку в центр решения важных государственных вопросов. Никогда еще ученые не чувствовали такой ответственности за судьбы народного хозяйства страны. С большой конкретностью об этом говорится в Директивах по девятому пятилетнему плану. Сибирь превратилась в невиданную по масштабам строительную площадку. Активное и энергичное участие науки сделало освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока разумным и всесторонним. Научные идеи вливаются в промышленность. Формы сотрудничества науки с производством требуют твор-

ческого подхода, изобретательности и выбора оптимального решения в каждом конкретном случае. Но любое из этих решений призрачно без важнейшей фигуры научно-технического прогресса — фигуры специалиста, которого отличает готовность и способность чутко воспринимать новые решения, бережно вынашивать их и доводить до заводских поточных линий, полей и ферм. Вот почему подготовку квалифицированных кадров мы рассматриваем как одну из главнейших задач нашего научного центра. Уже много лет наши ученые сами готовят научное пополнение для Сибири и Дальнего Востока. Сейчас мы хотим особое внимание уделить подготовке технических кадров. В промышленных центрах Сибири и Дальнего Востока вырастут новые техникумы, институты, производственно-технические училища. Под руководством исследователей, крупных инженеров и организаторов производства, работая над актуальными проблемами, молодые люди пройдут свой путь к диплому. Специалисты высокой квалификации, умелые практики, они-то и будут носителями эстафеты, которая начинается в лаборатории ученого и завершается в живом, конкретном деле на благо нашей Родины.

Вы вступаете в Новосибирский академгородок. Сосновая аллея ведет к Институту ядерной физики. Слушайте тишину у пульта управления «ВЭПП-2» и горячие споры на заседании ученого совета.

Фото

Г. Колосова, А. Малкина, С. Петрухина

Город — как будто огромный белый корабль в зеленой бухте Обского моря. И море и Новосибирский академгородок молоды, но давно уже знамениты.

Вдоль проспекта Науки выстроились, как на параде, нарядные институты. Просторный Морской проспект поделен на две части жилые микрорайоны. Строили аккуратно, беряги каждое дерево. Потому что теперь, заглядывая в окна верхних этажей, распевают птицы, проворные белки шалят в современных благоустроенных квартирах и шагают по лесным тропинкам, взрослые на работу, а дети — в школу. Детей в городе много.

«На трех китах держится сибирская наука», — любит повторять академик Михаил Алексеевич Лаврентьев.

ПЕРВОЕ. Познание закономерностей мира, лежащее в основе современной науки и техники. Новосибирский научный центр был задуман как фокус научной мысли, как перекресток магистралей современного познания, где ожидали рождения плодотворных идей, экспериментов, открытий. Действительность превзошла ожидания.

...Взрыву, как известно, положено крушить, разъединять, а он прочно сваривает металл.

...Сложнейшие химические превращения производят в ЭВМ, математически моделируя их.

...Мечта фантастов, идеальное горючее будущего — антивещество — часами висит в вакууме, излучая яркий свет.

...Фабрика для переделки, ремонта и создания новых молекул — предвестник целенаправленных наследственных изменений, золотого вена биологии, — вчерашняя фантастика, сегодняшняя реальность.

Активная мысль озонирует воздух науки и притягивает в Сибирь блестящие умы со всех концов света.

ВТОРОЕ. Учат молодежь те, кто делают большую науку. Свои идеи и разработки, как эстафету, передают молодым — нет много движения для науки, нет ученого без ученика. «Каждое ремесло имеет своих мастеров, каждая специальность имеет своих Ломоносовых» — постулат академгородка. Вот и оттачивают, ищут таланты от Урала до Владивостока на севере Сибири и в Средней Азии. Ищут, выращивают, направляют «своих Ломоносовых» в науку и производство.

ТРЕТЬЕ. Все заняты прокладкой кратчайшего «пути» — вода» для передачи смелых научных разработок в живую практику. Производство уже получило пресс-молот «Сибирь», материализовавший заветное желание кузнецов: один удар молота — готовая деталь. Математические модели экономики реализуются в миллионах тонн сибирского и дальневосточного хлеба и перспективных народнохозяйственных планах. Гигантские микроскопы современной физики — уснорители заряженных частиц — усердно работают в химии, металлургии, медицине...

Кругом шумит почти тайга,
Течет Зырянка-реченька,
Кому наука дорога,
В столице делать нечего!

Так некогда подбадривали себя в сорокаградусные морозы шутиливой песенкой бывшие москвичи, ленинградцы, киевляне, тринадцать лет назад добровольно ставшие сибиряками. Песенку поют и теперь, хотя ощущают в ней существенную неточность: ныне сами они — жители одной из признанных научных столиц мира.

А. МЕЛИК-ПАШАЕВА

Новосибирск

МАЛЬЧИШКИ

Цветет сакура, щедро осыпая асфальт. Мальчишки в черных кителях со значками школ бегут по розовым лепесткам. Настроение приподнятое: близко каникулы. Неделю азалии, ириса, лотоса — сплошные, переходящие один в другой семейные праздники. Яркое солнце, пронзительная птичья трель, огромное полотно воскресного Тихого океана — вся поэзия природы отныне принадлежит мальчишкам, которые знают: другой такой красоты на свете нет.

В зрелищном парке Намакава танцуют фламинго. Счастливицы, которых привозят из больших городов на побережье, ошеломлены. В зеленой лене кустов возникают розовые изящные существа, словно подсвеченные изнутри живым, теплым электричеством. Под музыку Чайковского идет балет

возле голубого озера. В памяти остаются розовые видения, алый пламень подкрыльев, когда стая летит над озером, танец маленьких фламинго — все это только в Намакава, идилическом уголке, отгороженном от рыбацких поселков широкой спиной горы.

Трепещут над домами рыбаков и крестьян надутые ветром полотняные карпы. Сколько в доме мальчишек, столько храбрых, идущих против течения рыбин на мачте. Мальчишки знают песни, легенды о карпах, видят и живых — уникальных, почтенного возраста в триста лет. Кто как не карп придает силы японскому юноше, когда его топчет на ринге ногами европеец, кто как не карп поднимает почти поверженного борца, помогая мгновенно бросить противника в ряды неистовых зрителей! Все это мальчишки усваивают с детства.

По телевизору идет двухчасовой фильм о престарелом императоре. У императора есть внук — настоящий парень, школьник, спортсмен. Вот он в кадре — так похожий на того маленького императора, который носил военный мундир еще полвека назад. В потоке хроники мелькает еще один мальчишка — в нелепом длинном пальто, картузе, с флагом в руках. Он тоже японец, он среди демонстрантов, протестующих против первой мировой войны.

...Вечером в центре Токио, в парке Хибия, молодежь, взяв флаги наперевес, идет на щиты полицейских. Они тоже студенческого возраста, но им очень нравятся их массивные пластмассовые шлемы и дюралевые щиты. Группа подростков наблюдает с далекого перекрестка, как обсуждается сегодня вопрос мира и войны.

Кем они будут — каникулярные, наслаждающиеся бурной красотой жизни? По какую сторону щита встанут через несколько лет?..

НЕВЕСТЫ

В весенние дни, когда бастуют рабочие разных профессий, на сборочных кон-

БЕЛАЯ
ХРИ
ЗАН
ТЕ
МА

вейерах «Сони» тысячи девушек творят безотрывно бытовую электронику. Ни одна не оглянется на постороннего, не поднимет глаз. Представитель фирмы поясняет: средний возраст тружениц «Сони» — немногим больше двадцати. Вчерашние школьницы пришли на завод, чтоб заработать приданое, без которого невеста не войдет в дом жениха. Традиционный ныне путь небогатой сельской невесты к венцу вызвал беспокойство матерей: деревни пустеют, старшие сыновья, наследующие неделимый земельный участок, остаются холостыми.

Заводская марка «Сони» венчает небоскребы Японии и соседних с нею стран. Там, в магазинах Юго-Восточной Азии, знаменитые транзисторы продаются по демпинговым ценам: монополии завоевывают выгодные рынки. Но что «заводским невесткам» многоэтажные рекламы в чужих городах, когда свое село кажется туманной землей обетованной?.. Что девушкам в снежных халатах предостережения газетчиков и ораторов об экспансии, о политических и военных целях дзайбацу — крупных монополий. Им внушается: мирская суета — ничто рядом с мечтой о семейном очаге!

«Съезд матерей, заботящихся о старших сыновьях», призвал девушек возвращаться в родные места. Девушки думают. Есть время для размышлений. Приданое зарабатывается несколько лет.

МАТЬ И СЫН
Человек, с которым мы встретились в Саппоро, признался: «Больше всего на свете я люблю детей. Но детей в тюрьме не встретишь. Моем другом всю жизнь оставалась мать...»

Матери было за семьдесят, когда ее сына, коммуниста, секретаря комитета компартии в Саппоро, приговорили по ложному обвинению в организации политического убийства к смертной казни. Позже высшая мера была заменена двадцатью годами тюрьмы.

Кунидзи Мураками за эти годы побывал в самых суровых казематах Японии. Он боролся — объявлял забастовки, голодал. Он работал — читал газеты, отвечал на письма, вдохновлялся литературной классикой. Писем было много, гневных, трогательных, заботливых. Около миллиона подписей японских трудящихся, требующих освобождения невиновно осужденного. Сотни писем от читателей «Правды», узнавших о судьбе Мураками из корреспонденций В. Овчинникова. В судьбе узника приняли участие люди из многих стран.

Сборник стихов, родившихся в камере, называется «Белая хризантема». Автор дал ему имя стойкого цветка, распускающегося вопреки заморозкам. Кроме стихов и песен из тюрьмы Абасири уходили письма. Матери, когда она, услышав приговор сыну, хотела уйти из жизни, Мураками написал: «Обязательно, мама, прочтите книгу Горького «Мать». Она прочитала эту книгу. Мать коммуниста, известная всей трудовой Японии старая батрачка, осталась жить. Она умерла в глубокой старости, в 82 года. Сын узнал об этом в тюрьме.

Токио — Саппоро

Японский коммунист К. Мураками. Розовые фламинго. Розовые дети у памятника жертвам Хиросимы. Старая рыбацка.
Фото Е. Оксюкевича

Вечером, когда мы мыли ноги, пришел в наш дом Угликов. Зашевелилась и откинулась зеленая занавеска у двери, и мы увидели высокого, загорелого, носатого человека.

— Угликов! — вскрикнула мать, и из графина, который она держала в руках, на пол полилась вода.

— Правильно. Я и есть, — спокойно согласился незнакомец.

Стоя в дверях, он молча разглядывал мать, потом уставился на нас, на наши мокнувшие в тазу ноги. — Вот эта, — ткнул он пальцем в меня, — похожа на тебя. Та, — он неодобрительно кивнул в Люськину сторону, — вылитая Еремеев.

Лицо у меня сейчас же запыхало. Я догадалась, что мне сказали нечто вроде комплимента.

— Твоя мать, — сказал Угликов, кинув на меня внимательный взгляд, — тоже была скромной. Очень была застенчивой девушкой, хотя не дождалась меня, когда я уехал в командировку, и выскочила замуж за Еремеева. Я посмотрела на Угликова и страшно обрадовалась, что мать его не дождалась. Хорошо бы мы выглядели, если бы у нашего папы был такой длинный нос.

— Ну? — строго спросил он, повернувшись к матери. На нас он больше не обращал внимания. — Счастлива?

Мать поставила графин на стол, вытащила из кармана халата носовой платок и заплакала.

— Я и говорил, — удовлетворенно продолжал Угликов, — я предупреждал тебя. Он всегда был прохвостом.

— Перестань! — закричала мать. — Не имеешь права! Тут дети!

УГЛИКОВ

Рисунок А. Врусиловского

— От детей не нужно скрывать правды. Чтобы они потом не повторили ошибок своих матерей.

— Садись, — сказала мать, переставшая плакать. — Раздавайся, садись. А вы — спать, быстро!

— Ваша мать, — обернулся к нам Угликов, — на рабфаке была лучшей баскетболисткой.

Слышать про мать-баскетболистку было странно. Весь Угликов с его разговорами, веселыми черными глазами и длинным носом был странен.

— Да-а, — протянул он, оглядывая нашу комнату.

— Восемнадцать метров, — гордо сказала мать. — Центральное отопление. Еремеев теперь возглавляет районную поликлинику, ты знаешь?

— Подумаешь, — усмехнулся Угликов. — Может, я тоже кое-что возглавляю у себя в Баку. Разве в этом дело?

— Ты женат?

— Женат, — скучно ответил Угликов, — пять лет уже.

— Дети есть?

— Сын. Послушай, Тася, Еремеев твой, как я понял, в отъезде, дети большие и сознательные. Пошли гулять, а?

Сейчас же после этих слов с дивана, где лежала под одеялом сознательная Люська, послышался глухой рев.

— Видишь, — сказала мать, — вот какие они сознательные. Давай уж здесь посидим, я чайник поставлю.

Они пили чай и долго еще разговаривали, смеялись и часто произносили загадочное слово «рабфак». Когда ушел от нас Угликов, я не слышала, уснула, и всю ночь снились мне тревожные сны, в которых появлялся странный человек с длинным носом и темным лицом.

Угликов вдруг пришел к нам опять на следующий день, когда в квартире, кроме меня, никого не было.

— Мама на работе, — растерянно сказала я вместо «здравствуйте». — Люська в саду.

— Понятно, — кивнул Угликов. — А я тут шел и зашел. Яблоко принес.

В комнату из-за его спины вплыла большая, как мешок, авоська, набитая огромными ярко-розовыми яблоками. Выглядели они как нестоящие.

— Это южные яблоки, — объяснил Угликов, — особый сорт. Ты попробуй.

Он положил авоську на пол, достал из нее сверкающее яблоко, подошел к столу и облил яблоко водой из графина. Он сунул мокрое яблоко прямо мне в руки и задумчивым взглядом обвел комнату. Я же смотрела на него. Мне нравился этот чужой загорелый человек, хотя, почему именно, я бы не смогла объяснить. Но ведь и взрослые люди не всегда могут объяснить, как именно выбирают они своих друзей. Должно быть, что-то открывается в человеке близкое и интересное, нужное тебе.

Но, не зная еще таких слов и не думая о них, я просто радовалась, что Угликов опять пришел к нам в гости.

— Хочу тебя попросить, — заговорил он, когда с яблоком было покончено, — не покажешь ли ты мне город. Я ведь так давно уехал из вашего города. Или, может быть, тебе нужно учить уроки?

Уроки я почти все выучила и вполне располагала временем, чтобы показать Угликову наш город. Однако что же он имел в виду, обращая ко мне с такой просьбой? Потом, позже, я поняла, что Угликов скорее всего хотел еще раз взглянуть на широкие улицы, застроенные новыми домами, на гранитные набережные, новые станции метро и центральные площади — «парадные комнаты» большого города. Но часто ли я сама в свои десять лет попадала на центральные улицы и площади? Шумные, битком набитые машинами и людьми, они существовали где-то не близко, в другом мире, который, по правде говоря, мало волновал и привлекал меня.

Город высоких домов был строг, чист, сдержан, управляем милиционером на перекрестке, одетым в красивую форму, с белой палочкой в руках. У нас — в переулках — город был распахнут настежь, прост, откровенен и доверчив. Женщины выбегали из подъездов на тротуар, где замирали надолго в разговоре, одетые лишь в домашние халаты и стоптанные туфли. Мужчины высовывались из окон по пояс, чтобы обменяться на досуге газетными новостями. Во дворах на лавках и скамейках под горячее солнце раскладывались объемистые перины и разноцветные подушки, которые хозяйки время от времени переворачивали, как пышные оладьи на сковородке.

Простой и одновременно таинственной была жизнь моего города. Запыленные чердачные окна, подвалы домов, чужие парадные и проходные дворы постоянно таили в себе что-то загадочное. Их переполняли и распирали неведомые тайны: в глубине их что-то вздыхало, шуршало, двигалось, может быть, всего лишь отголоски многих прошедших сквозь них жизней, но нам, достающим головой до пояса взрослого человека, мерещились в полумраке кости, скрещенные на черепе, и черные маски.

Вполне живое, но бледное до странности лицо появлялось в полуподвальном окне углового дома, стоило только кому-нибудь из нас постучать камешком по переплету решетки. Лицо за решетки кивало и улыбалось страшной улыбкой. Во дворе другого дома жила птица с пронзительным, резким голосом, и никто из нас эту птицу так и не смог разглядеть. Нам было известно, кроме того, что в подвальчике пивной неподалеку от нашего дома собираются исключительно бандиты-разбойники.

В глубине запущенного сада стоял брошенный жильцами, полуразрушенный флигелек. Наверху, в мезонине, мы обнаружили однажды дверь, ведущую на несуществующий балкон. Дверь была сделана из цветных стекол. Встав на ящик, мы могли часами смотреть сквозь нее на наш переулок. Его то заливало медовое густое сияние, то полыхали в нем багровые краски пожара, то на дома и заборы опускались нежные лиловые сумерки. Мой город был удивителен и прекрасен, и, созная это, я с гордостью видела Угликова из ворот нашего дома.

Я решила показать ему все, ничего не утаив. За недолгое время нашего знакомства я каким-то образом успела догадаться, что, несмотря на свою веселость, громкий голос и высокий рост, Угликов вовсе не был счастливым человеком. Мне захотелось ободрить его и утешить. Переулочек звенел — мальчишка Колька из соседнего дома катил по бульжинку железный обруч. Переулочек тоненькими голосами выводил песню про Каховку — в музыкальной школе напротив занималась вторая смена. Желтые листья лезли в переулочек из щелей заборов, словно вата из прорех старой шубы. Мы двинулись по тротуару вверх, и дома приветливо замахали над нашими головами узкими ладошками форточек.

Сначала я показала ему подвальчик, где по вечерам под видом любителей пива собирались известные разбойники. Потом — старое дерево с двумя дуплами, росшее неподалеку от подвальчика. В одно дупло, у самой земли, можно было влезть, а вылезти уже из другого, повыше. Я подвела его к дому, окна которого были забраны решеткой, изображающей полукруг солнца с расходящимися лучами. По моей просьбе Угликов постучал по решетке осколком кирпича. И сейчас же из законной тьмы выплыло бледное лицо и приблизилось вплотную к стеклу.

— Кто это? — изумленно спросил Угликов, отступая от окна.

— Узник, — пояснила я, — они его тут держат вроде как Железную маску. Он посмотрел на меня, сощурил глаза, странным взглядом. Мы завернули в подворотню чужого двора, и тотчас же где-то сверху резкий птичий голос прокричал знакомое мне «клира-клира-клира». Запрокинув голову, Угликов оглядел пустое небо, крыши сараев и ветви одинокого тополя. Делал он это совершенно напрасно, потому что увидеть человеческим глазом эту громкоголосую птицу было невозможно.

Наконец, по трясущейся деревянной лестнице с выломанными наполовину ступенями и рухнувшими перилами я втащила Угликова на второй этаж деревянного домика в ничейном саду. Воясь провалиться сквозь зияющий дырами пол, он осторожными шагами приблизился к разноцветной двери и замер возле нее. Сидя на ящике, я терпеливо ждала, когда он насмотрится на яркий мир за стеклом. Я знала, что он увидит там: веселое красное зарево захлестнуло дома и деревья, сделало город нарядным, праздничным. А вслед за этим он вдруг сделался похожим на зачарованное королевство в тот час, когда голубой рассвет поднимается над землей. И узкая бульжинная мостовая показалась ему чистой, прозрачной рекой, бегущей в далекие края, в неведомые страны...

Когда мы снова вернулись к нашему дому, день уже кончался, и переулочек наполнился длинными вечерними тенями. Я думала, что Угликов зайдет к нам домой и они с матерью снова будут пить чай и разговаривать. Но он вдруг сказал, что сегодня же ночью улетает обратно к себе домой и времени у него больше нет. Он стоял, нагнув голову, смотрел на меня и чему-то улыбался. Потом крепко пожал мою руку и сказал:

— Большое тебе спасибо. — Не выпускай моей руки, он добавил: — Знаешь что, приезжай к нам в Баку. Ладно? С мамой или даже одна. Подрастешь немного и приезжай. Я тебе тоже что-нибудь покажу.

Сделавшись вдруг задумчивым, он попросил:

— И не забывай меня, пожалуйста...

Однако до сих пор я так и не выбралась в Баку. Долгие годы воспоминание об этом человеке тихо жило во мне, пока однажды я не сказала странной вещи, поссорившей меня с матерью. Однажды, когда мать в который уж раз произнесла любимую свою фразу: «Самая большая моя ошибка заключается в том, что я вас обеих избаловала», — я ни с того ни с сего бросила ей в лицо: «Нет! Самая большая твоя ошибка заключалась в том, что ты не дождалась Угликова».

Песни Тофика Бабаева мы стали исполнять с момента рождения квартета «Гая». Кажется, что это было очень давно, хотя прошло всего пять лет. Он принес нам тогда свою песню «Хадиджа». Хадиджа — имя девушки, и эта девушка из песни принесла удачу автору и квартету. Мы спели «Хадиджу» на первом конкурсе советской песни, где стали лауреатами.

У Бабаева свой музыкальный язык. Он нашел в себе силы, чтобы противостоять соблазнам зыбкой моды. Но мелодия его осталась современной. Мы назвали бы песни Бабаева «юношескими» по духу. В них звенит ветер, в них есть свежесть, и в каждой ощутимо какое-то движение вперед. Тофик сказал как-то: «Раньше я старался уйти от влияния, от яркого почерка Островского, Бабаджаняна, других любимых композиторов. Но потом я понял, что исходить надо из своих собственных, пусть самых скромных результатов. Новая песня должна

быть новой прежде всего для самого автора. По строю, по ритму, по фразе...»

В кино уже доказана правомерность соединения в одном лице сценариста и режиссера. Единое авторство плодотворно и в песне. Бабаев — филолог по образованию, и, скорее всего, соль его работы заключается в попытке найти сплав музыки и стихов, которые он также сочиняет сам.

Сейчас в развитии песни, по-видимому, наступает переломный момент. Форма ее изменяется. Рядом с балладой появляются песни с включением целых оркестровых картин. В песне Бабаева «Осень» наш квартет предпринял попытку имитации большого эстрадного оркестра. Сначала мы исполнили партии труб, затем тромбона, потом напели соло саксофонов и поверх всего этого записали свои голоса, так сказать, «в обычном виде». Послушайте, что из этого получилось...

горизонты мелодии

ИСПОЛНИТЕЛИ
О КОМПОЗИТОРАХ

Композитор Тофик Бабаев.
Вокальный квартет «Гая».
Фото Л. Лазарева

Вокальный квартет «Гая» —
Теймур МИРЗОЕВ,
Лев ЕЛИСАВЕТСКИЙ,
Ариф ГАДЖИЕВ,
Рауф БАБАЕВ —
комментирует песни
Тофика Бабаева.

В начале этого года редакция журнала «Кругозор» послала депеши во все концы земного шара. Мы просили советских радиокорреспондентов прислать записи песен нашей страны в исполнении популярных певцов мира.

Прошло некоторое время, и в редакцию стали приходиться плотные пакеты с пленкой. Сейчас их накопилось столько, что можно начать задуманный «Кругозором» конкурс на наиболее интересную аранжировку и исполнение народных песен и песен советских композиторов зарубежными певцами.

Жюри конкурса будет, пожалуй, одним из самых больших — не менее 350 тысяч человек (это тираж «Кругозора»), так как мы просим каждого нашего читателя быть членом жюри.

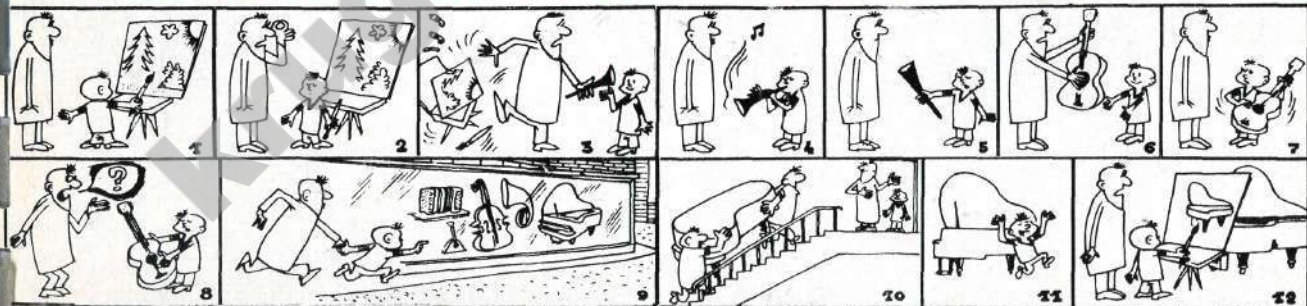
Сохраните все конкурсные звуковые страницы, а затем пришлите свое решение, распределив между участниками три места.

Количество голосов определит лауреатов. После этого мы поместим в журнале пластинку и очерк о победителях.

Первыми в редакцию прибыли пленки из Чехословакии. С них мы и начинаем наш конкурс. Итка Зеленкова поет русскую народную песню «Однозвучно гремит колокольчик», Ладка Коздеркова — песню А. Зацепина «Так говорится».

Слушайте десятую звуковую страницу

возвращение песни

слушайте

В

номере

кругозор

7 (88) июль 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«На празднике».
Рисунок народного
художника БАССР
Т. П. Нечаевой
(Уфа).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, М-162,
Шаболовка, 53.

Телефоны редакции:
234-03-34, 234-04-02

Сдано в набор
2/VI 1971 г.
В 05663.
Подписано к печ.
18/VI 1971 г.
Формат
бумаги 60 × 84¹/₂.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 1501. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

1. Монолог пекаря. Рассказывает Герой Социалистического Труда Геннадий Страмнов.
2. «Прирастать будет Сибирью». Интервью «Кругозора» с учеными Новосибирского академгородка А. Будкером, Д. Беляевым, Ю. Нестерихиным.
3. Мать и сын. Биография коммуниста. Саппоро, 1971 г.
4. Пластика поэта. Григор Абашидзе. Стихи разных лет.
5. Его Величество Рысак... Потомки Анилина — на ипподромах мира. Репортаж Л. Лазаревича.
6. Там, за морями... Куба в мелодиях и ритмах. Рассказ корреспондента В. Тамарина.
7. Триста лет спустя. Английский композитор Генри Пёрселл. Ария Дидоны из оперы «Дидона и Эней». Поет В. Левко. Увертюра из сюиты «Гордиев узел развязан» в исполнении Пражского камерного оркестра.
8. Первая пластинка. Композитор Л. Критская. «Старая азбука», «Не поговорили». Стихи Ю. Левитанского. Аранжировка В. Свешникова. Исполняет Е. Камбурова.
9. Топик Бабаев. «Осень», «Голос твой». Исполняет квартет «Гая».
10. Конкурс «Кругозора». Песни нашей страны в исполнении зарубежных артистов. Чехословакия: И. Зеленнова — «Однозвучно гремит колокольчик»; Л. Коздеркова — песня А. Зацепина «Так говорятся». Играет оркестр Чехословацкого радио.
11. Танцевальные ритмы.
12. Эстрада планеты. Дан Спэтару (Румыния). Две песни о любви, море и солнце.

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Туриста, приехавшего в Лондон, в первый же день ведут в Вестминстерское аббатство.

Под высокими сводами собора сумерки и тишина. Только шорох шагов и приглушенные почтительные восклицания — туристы читают имена, выбитые на плитах. Эти имена говорят многое не только англичанину: Ньютон, Дарвин, Резерфорд, Диккенс, Вальтер Скотт, Теккерей. Я вспоминаю, как несколько лет назад, попав в аббатство, нашла могилу величайшего английского композитора Генри Пёрселла у самого подножия органа, на котором он играл многие годы. Плита, имя, даты жизни, надпись, которую мне перевели так: «Он ушел в то

ОРГАНИСТ ИЗ

единственное благословенное место, где гармония его может быть превзойдена».

Три портрета Пёрселла дошли до наших дней, и кажется, что изображены на них три разных человека — настолько несхожи между собой эти портреты. Но у всех трех Пёрселлов улыбающийся рот и грустные глаза. Искусство его не творчество сильного, мужественного человека, но натуры хрупкой и нежной. Мелодический дар Пёрселла сродни Моцарту и Россини. Только мелодии его выписаны не яркими, звонкими красками, а мягкой пастелью.

Генри Пёрселл прожил 36 лет. Он родился в 1659 году и умер в 1695-м. Отец его — Томас Пёрселл — был тенором королевской капеллы и место свое по наследству передал сыну. Шести лет Генри был принят в капеллу. Двенадцать ее воспитанников обучались пению, игре на лютне, скрипке, органе. И хотя король уделял капелле мало внимания: дети были полуголодны, нищенски одеты, — здесь царил дух творчества.

Затем Пёрселл — хранитель музыкальных инструментов, композитор королевских скрипок, органист Вестминстерского аббатства...

Его всю жизнь преследовала мысль о ранней смерти, и он спешил, спешил. Писал много и разное. Среди арий и полифонических хоров появлялись простенькие песенки. В круг чопорных аллеманд и сарабанд врывался грубоватый матросский танец... Или прекрасные медленные пьесы для струнного оркестра с тонкими гармониями, мягкими диссонансами, изящными соединениями мажора и минора, словно композитор «любовался бледным, приглушенным светом, улыбающимся, как солнце, сквозь легкий туман...».

Но при жизни Пёрселл был известен главным образом как автор популярных песен и клавишных пьес, распространяемых по подписке через тогдашние газеты, как композитор, охотно пишущий музыку по заказу ко всевозможным празднествам с торжественными шест-

Слушайте
седьмую
звуковую страницу

виями и трескучими фейерверками. Песни его настолько сжились с городом, что, когда в 1728 году Джон Гей писал свою «Оперу нищих», используя лондонский фольклор, три арии он построил на пёрселловских мелодиях. То же главное, что создавал Пёрселл, его музыкально-сценические, хоровые, оркестровые и органические сочинения оставались без особого внимания современников, которые, конечно же, не предполагали, что творчество Пёрселла — вершина английского музыкального искусства, что вслед за его смертью наступит почти двухвековое молчание английской музыки. У него были предшественники и не оказалось последователей.

ВЕСТМИНСТЕРА

В английском театре музыка звучала лишь в отведенных ей действии местах, упор делался на слово и актерскую игру, и все-таки ни Марлоу, ни Бен Джонсон, ни Шекспир без нее не обходились.

Пятьдесят произведений написал Пёрселл для театра. Его «Дидона и Эней» — первая английская опера.

По иронии судьбы она сочинялась в содружестве с лондонским учителем танцев для школы юных леди в Челси. Сюжет был взят из «Энеиды» Вергилия. Учитывая возраст исполнительниц, либреттист Тейт сократил и упростил его. А скромные певческие возможности учениц подсказали жанр камерной оперы с небольшим составом оркестра: две скрипки, виола, бас и клавесин...

Пёрселл остался единственным английским композитором, сумевшим в речитативах тонко передать интонацию, нюансы и музыку английского языка. Вершина подобного речитатива — монолог Энея во втором действии. А финальная сцена — сцена смерти Дидоны — стала одним из шедевров мирового музыкального искусства.

Тем более удивительно, что после первого исполнения рукопись «Дидоны и Энея» двести лет пролежала в полном забвении.

Истинное возрождение Пёрселла началось в наш век, когда музыка его хотя и робко, но шагнула за пределы Британских островов.

Вот уже три десятка лет сочинения Пёрселла звучат на всех континентах в исполнении Питера Пирса и Бенджамина Бриттена.

На прошедших недавно в Москве «Днях английской музыки» в каждой программе исполнялся Пёрселл... Наступила новая пора: произведения «британского Орфея» — так называют Пёрселла соотечественники — в репертуаре и ведущих и молодых музыкантов мира...

Л. КРЕНКЕЛЬ

ДАН СПЭТАРУ

Дан Спэтару не из числа тех, на кого оборачиваются люди в толпе («Наверное, артист?..»). Он хоть и красив, но обычен, мало чем отличается от тысяч и тысяч своих сверстников. Его легко принять за студента, молодого рабочего, шофера такси. В манерах есть какое-то щегольство и пластичность, которую в современной молодежи сразу замечают люди постарше. Быть может, эта пластичность оттого, что Дан Спэтару не собирался поначалу быть только певцом, и за плечами у него не консерватория, а Институт физкультуры и спорта в Бухаресте.

И петь Спэтару начал не слишком рано: ему уже исполнилось двадцать шесть, когда были выпущены первые пластинки с его записями. Вероятно, в силу того, что он начал петь в зрелую пору жизни, искусство Дана Спэтару не сумма вокальных приемов, не расчетливо сконструированный эстрадный образ с придуманной и тщательно отработанной стилистикой. Его искусство — это он сам. Спэтару поет просто, естественно, и голос у него сильный, крепкий, приятного тембра. При этом и в самых темпераментных, самых разудалых песнях, в глубине их, какая-то едва различимая грусть, столь близкая румынской музыке. Словом, он поет, как любой другой румынский парень. Только гораздо лучше.

Не так давно мы видели Дана Спэтару в совместном советско-румынском фильме «Песни моря». В этой ленте, которая сочетает самые распространенные достоинства и самые привычные недостатки музыкальной кинокартины-концерта, Дану Спэтару приходится петь то на палубе теплохода, то на мосту, то за рулем автомобиля. И вот благодаря счастливой естественности своего пения артист «вписывается» в кадр, его поведение не кажется ненатуральным. Всякий раз песня на месте.

Правда, киноискусство Дана Спэтару не ошеломляет, не потрясает, оно действует куда спокойнее и умереннее. Но артист отважно смотрит вперед. И если Спэтару-певцу знаком и гостевой успех во многих странах и премии на фестивалях, то на экране он хотел бы сыграть серьезную роль, но... без музыкальных номеров.

И. ЛИЦИНСКИЙ

Цена 1 руб.